

МАРИНА
БОЛДОВА

Читайте романы
Марины Болдовой в серии

«Остросюжетный семейный роман»

Любимые женщины клана Крестовских

Рубины для пяти сестер

Два сына одного отца

Клетка семейного очага

Трудные леди школы Бауман

Своя чужая родня

Тайна родной крови

МАРИНА
БОЛДОВА

Трудные
леги
школы
Бауман

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Оформление серии и иллюстрация
на обложке *Алексея Дурасова*

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Издано при содействии *И. В. Сопикова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Болдова, Марина.

Б79 Трудные леди школы Бауман / Марина
Болдова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Острсюжетный семейный роман).

ISBN 978-5-04-107191-2

Если ты в пятнадцать лет совершаешь дурные поступки, будь готова ответить за них. И пусть школа для трудных девочек Агнессы Бауман сделала из тебя настоящую леди, а страшное прошлое осталось позади — оно не отпустит и заставит тебя страдать, дав передышку в десять счастливых лет.

Софья Риттер поняла это, потеряв в один день и мужа, и сына. Муж погиб, но есть надежда найти похищенного пятилетнего ребенка. И встретиться с тем, кто не знал любви и столько лет таил в себе обиду...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Болдова М., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-107191-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«...Оступишься — отмолишься? Так просто: сходил в церковь, поп кадилом помахал, грехи отпустил — и порядок!

— Тут ты заблуждаешься. В церкви работают обычные люди, права прощать им никто не давал. Так что — пришла с грехом, с ним и уйдешь. Не обольщайся.

— А как же?

— За все придется платить. И никак иначе...»

* * *

Вика краем глаза выхватила из общей картины куст, росший чуть поодаль от тропы. Что-то не так было с этим кустом. Сквозь ветки виделось нечто красное вроде яркого крупного цветка. Но не мог этот куст цвести! Тем более практически у корня.

Она вернулась обратно по дорожке, изредка оборачиваясь посмотреть, далеко ли ушла Соня. Лишь только та скрылась из вида, Вика бегом кинулась в сторону.

— Софа, Софа, вы живы? — дотронулась она до лежащей женщины, узнав ту издале-

ка. — Господи, что же это?! Да где же телефон! А! Вот! — Вика набрала номер мужа.

— Ваня, Ванечка, — она расплакалась. — Я нашла Софу. Тут, в кустах. Какую Софу?! Да Сашки Гурского мать, свекровь Сонину. Мы шли на пляж, я заметила что-то яркое в кустах. Соньку дальше отправила! А сама? Что сама?! Я тут, где она лежит. Не знаю, что с ней! Нет, кровь не вижу. Я боюсь! Ванечка, она не дышит...

Вика обессиленно прислонилась к стволу дерева, стараясь не смотреть в ту сторону, где лежало тело. «А где же Тошка?!» — вдруг похолодела она от мысли о сыне подруги и вскочила.

— Тоша, Антон! Тошенька! — голос ее сорвался.

— Что это, — вдруг услышала она шепот у себя за спиной и обернулась. Соня стояла рядом и неподвижным взглядом смотрела на тело свекрови.

— Сонечка, подожди, — потянула ее в сторону Вика.

— Я пришла — их там нет. Там, на пляже, вообще никого — холодно все ж, наверное, у воды. Что Софа там делает, в кустах? А где Тошка? Вика?! Где Тошка?! Он спрятался? Что за шутки они придумали с бабушкой? Антон! Выходи! — Соня заговорила строго, даже сердито.

Вика не знала, что делать. «Пусть ищет! Так время пройдет. Скорее бы Лунев подъехал. И полиция. Тошку украли! Дали Софе по голове, а его унесли. Что там весу-то в пятилетнем

ребенке? Только кто? Господи, он такой маленький, домашний! Испугался, наверное! Сволочи!» Вдруг она вспомнила, как Ядвига впервые «показала» картинку ее будущего в хрустальном шаре. Плачущая женщина и мальчик. «Соня и Тошка, — поняла Вика. — И я должна помочь его найти!» В памяти всплыло и предупреждение Ядвиги, что она должна сыграть важную роль в их судьбе.

Часть 1

ШКОЛЬНИЦЫ

Глава 1

Валерия Георгиевна Шляхтина одной рукой пыталась застегнуть молнию на джинсах. Во второй была зажата щетка для волос. Поняв, что сделать два дела одновременно — причесаться и одеться — у нее не получится, в раздражении откинула щетку на кровать. Раздался звук удара металла о стекло. Валерия Георгиевна наконец дернула в последний раз за язычок застёжки и застегнула пуговицу. Скосив глаза на скомканное шелковое покрывало, поняла, что так звякнуло: ручка щетки угодила в небольшое зеркало. Вид треснувшего стекла привел ее в ярость. Это оказалось последним штрихом, с самого утра незадавшегося дня. Ее муж должен был сегодня улететь в Штаты, но не улетел. И не счел нужным поставить ее в известность, что поездка сорвалась. Ей позвонил его референт Вадим, ее любовник, и предупредил, что свидание отменяется. Она решила еще понежиться в постели, но дурное настроение не отпускало. Предчувствие, что этот денек приготовил еще много сюрпризов, оправдалось. Следом за мужем «обрадовала» горничная Анжела. Девочка, хотя и вывезен-

ная из деревни, но быстро пообтесавшаяся в городе, заявила, что уходит. И не куда-то, а «в замуж». Мол, жених (палаточный торговец!) не позволяет ей работать. «А булавки себе ты на что собираешься покупать, дура? Или на каждую мелочь клянчить будешь?» — спросила ее Валерия Георгиевна.

Сама она старалась сохранить хотя бы видимость независимости от мужа, три раза в неделю посещая директорский кабинет в своем салоне красоты. К чести Шляхтина надо сказать, тот с самых первых дней совместной жизни взял на себя все расходы по содержанию семьи, оставив ей в личное пользование половину совместной зарплаты в двести сорок рублей в месяц. Он подрабатывал, где мог, делая быт двух молодых инженеров комфортным. Валерии же давала дополнительный доход комната в коммуналке, оставшаяся от бабушки с дедом. Эти деньги она откладывала «на ребенка», ничего не говоря мужу.

Сейчас ее независимость состояла из пары тысяч долларов ежемесячной прибыли от салона и трехкомнатной квартиры с евроремонтom в «сталинке», которую муж записал на ее имя. И в дополнение — нежадный Шляхтин, считая себя в какой-то мере виновным, что приучил Валерию к безбедному существованию, регулярно пополнял ее личный счет в банке...

Валерия, отчитав горничную, собралась было выпить кофе, как ее отвлек звонок мо-

бильного. Ей сообщили, что их со Шляхтиным дочь Вику, переростка с куриными мозгами, как называл ее добрый отец, вновь задержала милиция. Валерия, забыв про кофе, ринулась в спальню, на ходу лихорадочно соображая, как выкрутиться в этот раз. Шляхтин при последней выходке зарвавшегося чада пригрозил дело не спускать на тормозах, а принять меры. Что он имел в виду, Валерия поняла много позже, когда верная ее подруга, а по совместительству начальница службы безопасности фирмы Шляхтина Зинаида Друккер поведала ей о странных отлучках шефа на час-полтора в день раз в неделю. Без сопровождения и на стареньком «БМВ», хранимом с почестью в гараже как память о начале карьеры. Этот потрепанный на немецких дорогах автомобиль Шляхтин приобрел на первые заработанные доллары в девяносто втором году. Зинаида, будучи ответственной как за тело, врученное ей самим Шляхтиным, так и перед Валерией, проследила самолично за шефом и в полном недоумении доложила подруге, что ее муж, верно, съехал с катушек. Вот уже в течение месяца встречается в разных местах с дамой, назвать которую даже пожилой, что называется, язык не поворачивается. «На вид ей сто, а то и...» — произнесла она в задумчивости, осуждающе покачав головой, когда говорила о ней в первый раз. «Выясни, кто она!» — приказала Валерия, ощущая неясную тревогу. Зинаида рыла во всех направлениях, даже прибегнув к

подслушиванию личной линии Шляхтина, но выяснила лишь одно: дама, очевидно, живет за городом. Зинаида сопровождала ее по трассе на Ульяновск километров сорок, а когда черный «Лексус» свернул на неприметную дорожку в лес, вынуждена была отстать. Дорожку перегораживал шлагбаум. Охранник на вопрос Зинаиды: «Что там?» — ответил лаконично: «Частные владения». Номер «Лексуса» пробить не удалось, в базе данных города его не было. Валерия разозлилась до того, что в этот день, плюнув на договоренность не лезть в личную жизнь друг друга, задала мужу вопрос о таинственной старушке напрямую. Тот даже не смутился. Лишь рассмеялся, вскрикнув: «Ах, молодец Зинка, вычислила!» — и ответил тоже прямо. Даму звали Агнесса Лазаревна Бауман. Она владела частной закрытой школой-пансионом для девочек-подростков. «Для трудных девочек, Лера! Понимаешь?» — он сделал многозначительную паузу. Валерия мысленно перекрестилась, но ойкнула громко. Слухи об этой школе, о том, что она имеет место быть, ходили в их кругах давно. Но никто не знал толком, где она — то ли в их в области, то ли в соседней. Поговаривали, что родители, рискнувшие отдать туда свою дочь, два года ничего не знали о ребенке. Таково условие владелицы. Валерия слабо в это верила, какие же родители решатся пойти на такое? Но, посмотрев на мужа, поняла, что зря не придавала значения салонным разговорам. Вот оно, настигло.

— Я уже встречался с Агнессой несколько раз. Предварительно мы договорились, что она возьмет Вику.

— Ты с ума сошел! Я не разрешаю!

— А кто тебя спрашивает? — Шляхтин обидно усмехнулся. — Ты свое уже сделала: разбаловала девку до неприличия. В пятнадцать лет на ней пробы ставить негде. Свои сорок килограммов веса она дарит без разбору как одноклассникам, так и азерам с рынка. Ты считаешь, это нормально?

— Она тебе дочь! Ты не смеешь так о ней! — крикнула Валерия, в душе понимая, что он прав.

— Короче. Официально заведение называется «Курсы Агнессы Бауман». Официально это — закрытая школа для девочек. Неофициально — колония для несовершеннолетних преступниц. С ограничением свободы и жестким режимом.

— Наша дочь не преступница!

— Ага! Только готовится ею стать. Но я не позволю. И поэтому слушай меня внимательно, Лера! Еще одно задержание, и я отправляю Вику к Агнесе. Из отделения отвезу девчонку прямиком к ней...

Валерия мельком посмотрела на себя в зеркало, схватила сумку, ключи от машины и спустилась в гараж. Выруливая на дорогу, она думала лишь об одном: успеть забрать Вику из милиции до того, как об инциденте доложат Шляхтину. Но она не знала, что уже безнадежно опоздала.

Глава 2

— Да пошли вы! — Ксения одним движением руки сгрэбла в сумку то, что лежало на парте, перекинула ремень через плечо и, зло зыркнув на ошеломленную учительницу математики, пошла к выходу.

— Ляшенко, вернись! — тихо и робко пискнула математичка, по виду на год-два старше своих учеников.

Ксения даже не обернулась. Достала эта школа! Она, Ксюша, знает больше этой шмакодявки, и это факт. Когда отец перевел ее в математический лицей из простой районной школы, она даже обрадовалась. Математику любила так, что задачки снились по ночам. Она решала все, что попадалось под руку. Терестила отца, своего учителя, соседа-шахматиста. Шахматы она любила не меньше. Зная от отца, что тот ходил в шахматный кружок в Дом пионеров, Ксюша тихо ему завидовала. Ей пойти было некуда. Какие там кружки!

...Мама Ксюши умерла, когда ей исполнилось два года. Жили они тогда в Житомире.

Отец часто повторял, что долго не мог смириться — как так?! Он был старше на двадцать лет... «Мне бы вместо нее, старик уже!» — сокрушался он. А Ксюша замирала от страха — вдруг он тоже... от горя!

Безусловно, отец любит ее, потому и балует. И много работает. Оправдываясь перед ней, как

он думает, обделенной отцовским вниманием. И до сих пор корит себя, что не смог заработать нужной суммы на лечение мамы.

Ксюша знает от него, как трудно было, когда он остался один с ней, крохой, на руках. Недолго помогала соседка, но у нее вскоре родился собственный внук, да не где-то, а в Америке. И она уехала. Отец вынужден был обратиться к своей матери.

Бабушка жила в Самаре, счастливо и беззаботно проводя время с третьим по счету мужем, партийцем в чинах, весьма состоятельным гражданином. Отец рассказывал, что появление в их квартире сына и внучки она тогда восприняла без энтузиазма, просто покорившись судьбе. И со словами благодарности добавлял, что неожиданно для него самого бабушкин муж привязался к ней, Ксюше, с первых дней. Да так, что решился выйти на пенсию, давно уже заслуженную по годам: ему перевалило за семьдесят.

Дед Женя стал для Ксюши и нянькой, утирая мокрый нос, и первым учителем, показывая буквы и цифры. К трем годам она читала слоги, знала весь счет до сотни и правильно расставляла шахматные фигурки на доске. Ксюша пыталась рисовать, глядя на рисунки деда Жени, неплохого художника. Помогала ему ухаживать за комнатными растениями, которые росли в горшках и кадках, расставленных на балконе и по квартире. Дед рассказывал сказки о каждом цветке, придумывая их сам. А вместо колыбель-

ной пел ей русские романсы, аккомпанируя себе на гитаре.

Умер дед Женя внезапно, после перенесенного на ногах гриппа, когда Ксюше исполнилось семь. Она, не понимая, почему так бессовестно тот ее оставил, словно волчонок, стала огрызаться на любые ласки овдовевшей бабушки и отца. Первый класс она окончила с одними лишь тройками в ведомости. Бабушка до того растерялась, глядя, как Ксюша хладнокровно сжигает в тарелке документ, что даже расплакалась. Эти ее слезы заставили Ксюшу впервые после смерти деда посмотреть на ту без злобы.

Но заниматься ею бабушке все равно было некогда. Как Ксюша поняла тогда своим детским умом — бабушку увлекла новая любовь. И много позже узнала, что любовь была не такой уже и новой, зародившейся еще при жизни деда Жени. Бабушка уехала за новым мужем, Ксюша с отцом остались вдвоем. Но ненадолго. Через три года отец женился.

Появление нового члена семьи, мачехи Маргариты, Ксюша восприняла как неизбежное зло. Услышав впервые шипящее «тупица», брошенное ей в спину, Ксюша ничего не ответила, но решила, что с нее хватит. Она ушла из дома, прихватив рубли из хозяйственного кошелька. Поймали беглянку на вокзале, когда она пыталась купить билет до Саратова: под Саратовом, в деревне, жила сестра деда Жени, они ездили к ней каждое лето на недельку-две. Ее вернули рыдающему отцу и усмехающейся у него